

СМЕРТЬ НЕ СПИТ

ДАРЬЯ ЛЮСЬЕН

Дарья Люсьен

Смерть не спит

<https://litres.ru/74213494>

Аннотация

Продолжение романа «Смерть не берёт».

Советник Сайт двадцать лет строил репутацию человека, который борется с тёмной магией. Пока Аня не нашла в архиве ордена письмо с его подписью.

Впереди — столица, императорский двор и человек, который умеет быть невидимым. Который знает про теневую магию больше, чем должен. Который хочет жить — и готов заплатить за это чужой ценой.

Аня умеет работать с мёртвыми. Но живые опаснее — особенно те, кто двадцать лет не оставлял следов.

Орден можно закрыть. Флаконы — опустошить. Советника — арестовать.

Но в горах на севере стоит маленький замок. Там живёт женщина, у которой пять лет назад забрали дар. И там начинается следующая история.

Содержание

Глава 1. Имя	4
Глава 2. Три года назад	16
Глава 3. Дорога	23
Глава 4. Утечка	37
Глава 5. Торговый квартал	47
Глава 6. Двор	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1. Имя

Архив ордена пах старостью и чужими тайнами.

 Это был профессиональный запах — я его знала. В морге тоже пахло чужими тайнами: только острее, без бумаги, без той мягкой пыли, которая здесь лежала на всём. Там тайны были написаны на телах — в синяках, в следах от игл, в характере переломов. Здесь бумага делала их вежливее. Приемлемее для обычного восприятия.

 Но не убирала.

 Три месяца я сидела над этими документами. Каждый день — с утра до обеда, иногда до ужина, если Кэйн не приходил и не говорил одну фразу: «Поешьте». Не медицинская рекомендация больше — личная. Я знала разницу, и разница имела значение.

 Архив занимал три комнаты в северной башне. Кир прислал документы тремя волнами — первые две ещё зимой, последняя пришла неделю назад с коротким письмом его характерным мелким почерком с наклоном вправо:

 Это последнее из монастырского подвала. Остальное уже у имперской стражи. Начинайте с красных конвертов — они важнее. Остальные — по обстоятельствам.

 Комната, в которой я работала, была самой маленькой из трёх — угловой, с двумя окнами. Одно выходило на двор, второе — в узкий внутренний пролёт, где постоянно сквозило. Стены здесь держали холод до самого апреля: камень не отдаёт тепло быстро.

В углах стояли полки — тёмного дерева, разошедшиеся, набитые книгами в кожаных переплётах с выцветшими корешками. На одной полке — ряд одинаковых томов в серых переплётах, пронумерованных. Реестры. На другой — свёртки в холщовых обёртках, перевязанных бечёвкой, задвинутые в самый угол. Я добралась до них только в феврале: внутри оказались карты — подробные, с пометками, часть из которых я до сих пор не расшифровала.

Лучший стол был у окна, выходящего во двор. Я его заняла в первый день. За три месяца он стал моим: кружки, блокноты, подсвечник на случай поздней работы. Чернильница, которую Кэйн принёс без комментариев — поставил и ушёл. Лис однажды принесла маленький горшок с чем-то вечнозелёным, поставила на подоконник без объяснений. Я не убрала.

Поверхность стола покрылась следами: от кружек — светлые круги на дереве, от воска — мелкие затвердевшие капли у края. Архивная пыль оседала на всём — тонкая, сухая, почти невидимая. Она не уходила от вытирания. Встраивалась в дерево, в бумагу, в кожу рук.

Конверты с сургучом надо было открывать осторожно: крошился при прикосновении, разлетался красными крупинками. В старых конвертах сургуч уходил в тёмно-вишнёвый, почти коричневый. В свежих — яркий, оранжевый. При вскрытии слабо пахло смолой. Кто-то добавлял в сургуч что-то ароматическое — я заметила это ещё в первую неделю, но так и не разобралась, зачем.

Из окна в полдень лил-

ся косой свет — мартовский, жёлтый и слабый, но уже настоящий. Снег во дворе таял медленно: зима не отпускала замок без сопротивления. У северной стены ещё лежал сугроб — серый, обледенелый. Под карнизами капало. Из водосточных желобов текло тонкими струями, и у стены образовалась лужа, которая к ночи замерзала и к полудню снова таяла.

Дэйн внизу гонял двух молодых стражников по двору — в полном снаряжении, тяжёлым шагом по раскисшей земле. Голос до меня не доносился, но он говорил: рубил ладонью воздух, разворачивался, указывал. Один стражник уходил с тренировки быстро — расслабил плечи, едва отошёл за угол. Второй задержался, посмотрел на свои руки, потом на Дэйна. Что-то дошло. Хороший признак.

Лина сидела на ступенях кухонного крыльца с вязанием — уже без той напряжённости, которая была в ноябре. Рой прошёл мимо, бросил ей что-то на ходу. Она засмеялась, не поднимая глаз от спиц.

Замок жил.

После всего что было — хорошо, когда замок просто живёт.

Я отвернулась от окна и вернулась к бумагам.

Система, которую я выработала за три месяца, была простой.

Каждый документ — в одну из четырёх стопок. Первая: прямые доказательства оперативной деятельности ордена. Имена, даты, места, операции. Это шло в имперскую стражу и архивариусам. Вторая: имена агентов — известных, предполагаемых, косвенно упомянутых. Список рос медленно, но рос. Третья: финан-

совые документы — откуда деньги, куда деньги. Это была самая скучная стопка и одна из самых важных: деньги оставляют следы там, где всё остальное стёрто. Четвёртая: непонятное. Всё, что не ложилось в первые три категории, что требовало дополнительного контекста или экспертизы.

 Четвёртая стопка была самой интересной.

 В ней чаще всего оказывались вещи, которые потом становились ключом.

 Красные конверты шли отдельно. Кир пометил их — значит, сам считал важными, а у Кира хороший нюх на важное.

 К середине февраля я научилась читать основные коды ордена почти без таблицы-ключа. Коды были незатейливые — орден не рассчитывал, что архив когда-нибудь попадёт в чужие руки. Каждый агент обозначался двумя буквами и числом: буквы — инициалы куратора, число — порядковый номер в его сети. Одно и то же обозначение в разных документах — один и тот же человек, независимо от операции.

 Один документ из четвёртой стопки я разбирала три дня. Написан на двух языках — имперском и на чём-то, что поначалу казалось шифром, а оказалось диалектом южного приграничья. Пришлось просить Кира. Он прислал словарь с пометками — мелкий почерк, без лишних слов, только нужное. Когда расшифровала: список имён с датами и суммами. На первый взгляд — обычная ведомость выплат. На второй — суммы шли по убывающей, и рядом с несколькими именами стояло одно и то же слово. В переводе с диалекта — «выведен».

 Что именно вывели — людей, деньги, информацию — документ не уточнял.

 Это и было интересно.

 Я сделала пометку в блокноте. Таких пометок к марту накопилось уже больше страницы.

 К сегодняшнему утру я разобрала все красные конверты, кроме одного. Почти все — операционные отчёты. Сухие, закодированные, читаемые.

 Последний лежал отдельно.

 Я его отложила вчера — заметила по весу, что там несколько листов, а не один, и решила оставить на утро, когда голова свежее.

 Утро было свежим.

 Я взяла конверт.

 Сургуч крошился в два слоя.

 Основной — и второй поверх. Двойная запечатка. Кто-то очень не хотел, чтобы это письмо открыли случайно. Или хотел, чтобы получатель точно понял: вот это — важное.

 Я вскрыла аккуратно. С уликами — аккуратно: выработанная привычка, даже когда кажется, что это не нужно.

 Бумага внутри была другой. Плотнее, белее — явно не та, на которой писались обычные отчёты. Хорошая бумага, дорогая, с лёгкой зернистостью на ощупь. Такую используют для важной переписки — не для оперативных записок.

 Листов было два. Я развернула первый.

 Почерк — мелкий, с лёгким наклоном влево, очень чёткий. Человек, который привык писать много и быстро, но при этом следил за разборчивостью. Дисциплинированный почерк. Почерк администратора.

 Дата в правом верхнем углу.

 Двадцать два

года назад.

 Я начала читать.

 Уважае-
мый Солен. Благодарю за своевременную информацию о дей-
ствиях агентов в северном регионе. Как я и предупреждал,
чрезмерная активность привлекает нежелательное внима-
ние. Настоятельно рекомендую сократить операции до двух
в год максимум — и только при условии полной изоляции
от любых официальных структур.

 Ровно, мето-
дично — как читаю всегда, когда документ может оказаться
важным. Не торопясь, не пропуская слов.

 Отдель-
но — по вопросу передачи образцов. Текущий канал нена-
дёжен. Слишком много промежуточных звеньев, каждое из
которых является потенциальной точкой утечки. Предлагаю
новый маршрут через столицу, который я готов обес-
печить лично — используя свои возможности. Детали при
личной встрече. Прошу не откладывать. Жду вас в месте,
известном нам обоим, в удобное для вас время.

Письмо заканчивалось.

 Я перевернула лист.

 Подпись.

 Не код. Не инициалы. Полное имя
— красиво выведенное, с росчерком. Человек, который при-
вык подписываться так, чтобы подпись была видна. Кото-
рый не боялся своей подписи.

 Лорд Веран Сайт,
советник Его Императорского Величества.

 Я чи-
тала подпись.

 Потом перечитала её.

 По-
том отложила лист.

 Взяла кружку. Отпила — чай
был холодным, стоял давно. Вкус не почувствовался. Поста-
вила обратно.

 За окном капало с желобов. Во дво-

ре кто-то пересёк двор быстрым шагом — я видела краем зрения. Лужа у северной стены поблёскивала.

 Советник Сайт.

 Советник Его Императорского Величества.

 Это не код. Не предположение. Не косвенная улика. Это подпись под письмом главе ордена — двадцать два года назад.

 Второй лист оказался списком. Аккуратным, в два столбца. Левый — имена. Правый — пометки напротив каждого. Даты, суммы, кодовые обозначения.

 Я узнала код — один из стандартных кодов ордена для передачи даров.

 Список был длинным. Много имён.

 Я читала медленно — каждое имя, каждую пометку. Некоторые я узнавала из других документов архива. Некоторые — нет. Рядом с несколькими стояла пометка, которую я уже видела в операционных отчётах: «завершено».

 Это слово в документах ордена означало одно.

 Смерть.

 Я встала. Профессиональная привычка — нужна была минута, прежде чем возвращаться к листам. Прошлась до окна и обратно.

 Факты.

 Письмо написано на дорогой бумаге. Двойной сургуч. Двадцать два года назад. Адресовано Солену — личное имя Дарра, которое использовалось только в частной переписке самого высокого уровня. Автор подписался полным именем — советник Сайт.

 Содержание: информация об операциях ордена, рекомендация по их корректировке, предложение нового канала для передачи даров через столицу.

 Это не письмо

человека, который случайно связался с орденом.

 Это письмо человека, который работает с орденом давно и на высоком уровне. Который знает оперативные детали. Который предлагает использовать свои возможности — советника при дворе — для обеспечения новых каналов.

 Я остановилась у окна.

 За стеклом — тот же двор. Дэйн ушёл со стражниками за угол. Лина ушла с крыльца. Пусто. Только лужа поблёскивала на слабом солнце, да капало ровно с желобов.

 Советник Сайт.

 Человека с такой репутацией не ищут. Человека, который двадцать лет назад сам инициировал охоту на орден, не подозревают. Репутация

защищает лучше любого прикрытия.

 Вот почему письмо с его полной подписью лежало здесь, в архиве ордена, а не в имперских делах. Вот почему прошло двадцать два года — и никто не нашёл.

 Я вернулась к столу.

 Взяла чистый лист. Написала на нём одно слово: *Сайт*.

 Положила рядом с письмом.

 Потом начала методично проверять — поднимала другие документы из красных конвертов, искала упоминания. Не имя — код. Тот, который использовался в переписке ордена для особо важных контактов.

 За час нашла ещё дважды.

 Один раз — в списке получателей информации об операции в южном регионе. Среди других инициалов — «В.С.». Дата совпадала с периодом письма.

 Второй раз — в расходной ведомости. Строчка об оплате «услуг

посредника в столице» на сумму, которая говорила о статусе посредника однозначно. Не мелкий агент. Человек, который стоит дорого — потому что стоит много.

 Три упоминания за двадцать лет архива — это мало.

 Значит: работал аккуратно. Следов почти не оставлял. Почти — потому что одно письмо с подписью лежало в конверте с двойным сургучом двадцать два года.

 Иногда достаточно одного следа.

 Я ли стала хронологию ордена — тетрадь, которую составляла с первого месяца работы.

 Нашла.

 Серия записей о «чистке» — незадолго до и после даты письма. Несколько агентов арестованы. Один региональный исполнитель задержан, дело передано имперской страже. Официально — успех в борьбе с тёмной магией. В записях ордена с другой стороны — паника. Что-то пошло не так, люди исчезают, кто-то сдаёт.

 Кир писал об этом в одном из первых писем — как о первой попытке остановить орден. Неудачной, потому что задержали только мелких.

 Я перечитала его слова теперь иначе.

 Кто организовал ту «чистку»?

 Сайт.

 Он не разрушал орден. Он зачищал конкурентов внутри — тех, кто претендовал на слишком много, кто мог стать угрозой его позиции. Убирал руками имперской стражи. Получал репутацию. Оставался чистым.

 Элегантно.

 Профессионально.

 Двадцать лет элегантности.

 Я закрыла тетрадь. Убрала три документа с упоминаниями

Сайта в отдельный конверт — новый, чистый. Надписала: *Приоритет*. Положила перед собой.

 Взяла чистый лист и начала записывать вопросы. Когда улика найдена — сразу вопросы. Потому что улика — точка входа, а не ответ.

 *Когда именно Сайт начал работать с орденом? До письма или письмо было началом?

 Что стоит за «возможностями», которые он предложил Дарру? Какой именно канал через столицу?

 Список имён — все жертвы? Или часть — агенты, которые перешли к нему?

 Кто ещё при дворе связан с орденом через него?

 Почему письмо с его подписью осталось в архиве? Дарр держал как страховку?

 Последний вопрос был особенно интересным.

 Дарр двести лет выживал — не просто существовал, а выживал в условиях, где каждый потенциально мог стать угрозой. Для такого человека хранить компромат на высокопоставленного союзника — это не безрассудство. Это страховка.

 Значит, Дарр не полностью доверял Сайту. Или — доверял, но проверял. Или — знал, что доверие в их деле — роскошь, которую не могут себе позволить даже союзники.

 Умный человек.

 Жаль, что использовал это в таких целях.

 Я дописала последний вопрос:

 *Знает ли Дарр, что мы нашли это письмо?

 В полдень пришёл Кир.

 Не потому что я звала. Просто пришёл — как делал иногда, когда заходил проверить работу или обсудить что-нибудь из своей ча-**

сти разбора. Он был в замке три дня. Приехал без предупреждения — вечером, сдал лошадь, пришёл к ужину. Кэйн сказал: «Долго». Кир ответил: «Дела». На этом обсуждение закончилось.

За ужином привёз новую сводку по суду. После — сидел с Кэйном, говорили тихо. Я не прислушивалась.

Сейчас он постучал в открытую дверь.

— Как идёт?

— Хорошо. — Я взяла конверт с надписью «Приоритет». — Зайдите.

Он вошёл. Огляделся — быстро, профессионально: стол, стопки, конверты. Взгляд задержался на чистом конверте с надписью.

— Нашли что-то, — произнёс он. Не вопрос.

— Да. Садитесь.

Он сел напротив — на стул, который я держала у стола для таких разговоров. За три месяца разные люди сидели на нём: Кэйн, Дэйн, однажды Лис — принесла чай и задержалась на пять минут, потому что я задала ей вопрос, а она оказалась наблюдательнее, чем казалась.

Я открыла конверт. Вытащила письмо. Положила перед Киром.

— Красный конверт семнадцать, — сказала я. — Двойной сургуч. Двадцать два года.

Кир взял.

Читал быстро — документы были его языком. Первые строки: пальцы держали лист ровно, лицо спокойное. На середине появилась лёгкая складка между бровями — что-то зацепило. Перед подписью он замедлился. Я видела, как остановилось движение глаз.

Подпись.

Кир побледнел — постепенно, как отлив. Я заметила это, только когда он опустил

письмо на стол: лицо уже было другим.

 Он положил руки на стол — обе, ладонями вниз — и смотрел на подпись. Скулы напряжены. Потом поднял взгляд.

 — Вы его знаете, — сказала я.

 Он взял письмо снова — медленно. Перечитал подпись. Положил.

 — Лорд Сайт, советник Его Императорского Величества, — произнёс он. — Я думал... — Остановился.

 — Что думали?

 — Что он порядочный человек.

 Пауза.

 — Он сам меня нанял, — произнёс Кир тихо. — Три года назад.

 Снаружи продолжало капать с желобов. Архив молчал.

Глава 2. Три года назад

В кабинете Кэйна было теплее, чем в архиве.

 Камин горел справа от окна — негромко, ровно, без треска. Свет в комнате был другой: не белёсый архивный, а жёлтый, живой, с тенями по углам. На стене напротив двери — карта северного региона в деревянной раме, с карандашными пометками, значения которых я не знала. На столе — бумаги Кэйна, сдвинутые в сторону. Посередине лежало письмо.

 Нас было трое. Письмо уже прочитал каждый. Всё необходимое уже было сказано по дороге сюда — короткими фразами, без лишнего. Теперь — разбирать.

 Кэйн сидел напротив меня.

 Он взял письмо снова — не чтобы перечитать, а чтобы держать. Смотрел на него несколько секунд. Потом положил, сложил руки на столе — пальцы переплелись — и оставался так, пока не заговорил.

 — Я его видел.

 — Когда?

 — Дважды. Последний — четыре года назад, на приёме по случаю задержания агентов ордена. Большой зал, весь двор. Вино, речи, следовательно в центре внимания. — Кэйн говорил медленно, перебирая детали по порядку. — Сайт стоял у левого окна. Один. Не поздравлял, не подходил ни к кому. — Он помолчал. — Я подумал тогда: скромный человек. Не любит оказаться в центре чужого торжества.

 — А он считал, чья это победа, — произнёс Кир.

 — Теперь

думаю — да.

 Кэйн встал из-за стола — прошёл к окну. Двор внизу: серый апрельский день, мокрая мостовая, Дэйн у ворот разговаривает с кем-то из стражи. Обычный день, не знающий, что происходит здесь, в кабинете на верхнем этаже.

 — Кир. — Я смотрела на письмо, не на него. — Три предложения для ясности. Что случилось три года назад.

 Кир кивнул.

 — Его посредник нанял меня с официальной легендой — независимый наблюдатель с санкцией короны. Бумаги правильные, детали знал только тот, у кого есть нужный доступ. Счёл достаточным. — Голос у него шёл ровно, по одной ноте — человек, который сортирует факты, пока эмоции ждут своей очереди. — Три года докладывал ему параллельно с отчётами для архива.

 — Что именно? — спросил Кэйн от окна.

 — Операции ордена, маршруты агентов. Имена, которые он давал мне как «подозрительных» — я проверял, оформлял в отчёт, дальше шло в стражу. — Кир говорил тем же тоном — факт, потом еще факт. — И про замок.

 Кэйн обернулся.

 — Охрана. Маршруты. Кто живёт, кто приезжает. — Кир смотрел на стол. — Про невест. Когда приезжают. Есть ли дары. Какой именно.

 Кэйн не двинулся с места.

 Я видела, как изменилась линия его плеч — едва заметно, на волосок, но изменилась. Руки опустились вдоль тела. Пальцы согнулись, нашли точку опоры и держались.

 — Он собирал о них информацию, — произнёс он.

 —

Да. — Кир поднял взгляд. — Я понял только сейчас. Тогда думал — часть общей картины по ордену. Они интересовались замком, значит, нужно знать о замке. Логике мне дал он.

— Удобную логику.

— Очень.

Кэйн прошёл к столу — сел. Взял письмо. Не читал, держал. Потом отложил, не говоря ничего несколько секунд.

У левого виска напряглась жилка — тонкая, едва заметная. Потом прошла.

— Что у нас есть, — произнёс он. Переключение — без перехода.

— Подписанное письмо двадцатидвухлетней давности, — сказала я. — Три косвенных упоминания в других документах. Список — нужно установить, кто из него значится в официальных делах. — Я посмотрела на Кира. — И ваш рассказ. Это не документ, но это живая память. Вы видели его лично, говорили с ним, знаете, как он мыслит.

— Документы он мог подделать, — произнёс Кир медленно.

— Да. А память о живом человеке — нет.

Кир смотрел на меня. Что-то в лице — нет: скулы чуть расправились, как будто он нашёл, за что держаться.

— Тогда делаем, — сказал он.

Разделили быстро и конкретно.

Кир берёт оставшиеся красные конверты — сегодня. Все финансовые ведомости на предмет сумм, совпадающих с теми, что он получал сам. Параллельно — хронология арестов за три года его работы: кого задержали, по каким делам, совпадают ли с именами, которые ему давал Сайт. Список из двадцати восьми

имён из письма — проверить каждое по документам ордена.

 Кэйн пишет по своим каналам — про двор, не про орден. Кто Сайт при дворе: с кем близок, кому обязан, кто обязан ему. Официальные дела — все, что можно найти, не привлекая внимания. Ответы придут через две недели, может раньше.

 Я закрываю синие конверты — три дня максимум. Реестр всех имён. По каждому: есть ли они в архиве под другими обозначениями, есть ли в официальных материалах о задержаниях за те же годы.

 — Через месяц едем официально, — сказала я. — Суд над Дарром. Никаких поездок раньше срока.

 — Если раньше — поймёт, что мы знаем, — согласился Кэйн.

 — Нам нужно, чтобы у него было меньше времени. — Я посмотрела на Кира. — В столице вы появляетесь официально. Наблюдатель замка Вэрнер. Полномочия, бумаги — всё открыто. Встречи с ним не ищите. Есть в городе, по делу — и только.

 — Он меня найдёт, — сказал Кир.

 — Вы уверены?

 — Человек такого уровня не оставляет своих бывших людей без присмотра. Особенно тех, кто знает слишком много о его работе. — Кир говорил без лишних слов — это был расчёт, уже готовый. — Я официальный наблюдатель по делу ордена. Он захочет понять, сколько я успел узнать. Придёт сам.

 — Ваша задача — быть нейтральным, когда придёт.

 — Как человек, который рад встрече со старым знакомым. Без неловкости, без лишнего. — Кир поднял взгляд — не на меня, куда-то

мимо, обдумывая. — Он должен думать, что я не знаю. Что для меня он всё ещё тот человек, на которого я работал три года.

 — Это сложно.

 — Я наблюдатель. — Голос у него стал чуть тише, но ровнее. — Держать лицо — ремесло.

 За окном кабинета звякнуло железо у ворот. Голос Дэйна — неразборчивые слова, знакомая интонация. Недоволен. Обычный день.

 — Кто знает? — спросил Кэйн.

 — Пока никто. Дэйн — потом, когда у нас будет больше ответов.

 — Марта?

 — Марта знает всё, что происходит в замке, — произнёс Кир совершенно серьёзно.

 Кэйн посмотрел на него.

 — Правда, — подтвердил он.

 — Тогда — особенно не Марта, — сказала я.

 Секунда тишины. Потом Кэйн кивнул. Кир кивнул.

 Я убрала письмо в папку с надписью «Приоритет» и застегнула её.

 Разошлись работать по отдельности.

 Кир вернулся в архив. Кэйн остался в кабинете — когда я проходила мимо дверей через час, слышала скрип пера. Я работала в угловой комнате: сквозняк из второго окна, архивная пыль, синие конверты.

 Синие шли медленнее красных. Меньше крупных имён, больше операционной мелочёвки — маршруты, явки, хронология. Скучное, необходимое, важное.

 Около четырёх зашёл Кир.

 Положил на стол лист — выдержку из расходной ведомости, которую я ещё не смотрела. Строчка посередине: дата, сумма, «посредник, столица». Рядом —

инициалы. «В.С.»

 — Та же сумма, что в семнадцатом конверте? — спросила я.

 — Нет. Больше. На треть.

 — Значит, его ценность для ордена росла. — Я взяла лист. — Долгосрочный контакт, не разовый.

 — Да. — Кир сел на стул у края стола. — И ещё. Я проверил хронологию арестов за три года своей работы. Пятнадцать имён, которые он мне давал. — Он говорил методично. — Четырнадцать из пятнадцати — фигурировали в документах ордена как люди с претензиями. Не просто агенты. Те, кто знал лишнее или претендовал на самостоятельность внутри структуры.

 — Пятнадцатый?

 — Совпадений не нашёл. Возможно — личный счёт, не связанный с орденом. Возможно — документ не дошёл до архива.

 Я добавила оба листа в папку. Она стала заметно толще, чем утром.

 Недостаточно — но это уже не просто начало.

 — Кир, — произнесла я.

 — Да.

 — Когда он вас узнает в столице — а узнает — как будете держаться в первые секунды?

 — Первые секунды самые важные, — сказал Кир. — Там решается, видит ли он то, что должен видеть. — Он говорил так, будто объяснял рабочую процедуру. — Улыбка, которая не слишком широкая. Удивление, которое не слишком быстрое. Рукопожатие, если предложит — нормальное, без напряжения в запястье. — Он сложил руки. — Всё, что делает человек, который действительно рад встрече со старым знакомым, но не подготовился к ней заранее.

 —

Вы уже думали об этом.

 — С того момента, как прочитал подпись. — Кир посмотрел на папку. — Три года я работал на него честно. Это означает: я знаю, что именно он хотел от меня слышать. — Помолчал — секунду, не дольше. — Буду говорить именно это. Нет — "то же самое". То, что он ждёт услышать.

 Это было точно сформулировано. Я отметила про себя — и не стала комментировать.

 Вечером, когда за окном стемнело и свет во дворе переменялся с серого на тёмный, я остановилась.

 Блокнот был открыт на списке вопросов. Часть из них теперь имела ответы. Часть — нет. «Знает ли Дарр, что мы нашли это письмо?» — по-прежнему без ответа. «С кем ещё при дворе работает Сайт?» — тоже.

 Месяц.

 За месяц можно разобрать архив до конца. Можно получить ответы от дворцовых каналов Кэйна. Можно составить полный реестр тех двадцати восьми — узнать, кто из них живёт, кто нет, кто был арестован, кто исчез.

 И потом — столица. Суд над Дарром. Человек у левого окна, который стоит один и наблюдает, не подходя ни к кому.

 Посмотрим, — подумала я. — Посмотрим, кто успеет первым.

Глава 3. Дорога

Месяц прошёл быстро.

Так всегда бывает, когда работаешь. Дни складываются в недели, недели — в месяц, и оглядываешься только когда заканчивается.

Архив я разобрала до последнего листа. Всё, что касалось Сайта, лежало в отдельной папке — двадцать три документа, от прямых упоминаний до косвенных следов. Кир прислал из столицы через Стражей подборку официальных дел двадцатилетней давности — те самые аресты, которые Сайт инициировал под видом охоты на орден. Восемь человек. Все осуждены. Все имели отношение к ордену — но не как случайные агенты. Как конкуренты Сайта внутри. Убирал руками имперской стражи. Получал репутацию. Оставался чистым.

Я добавила это в папку и закрыла её.

Кэйн написал три письма по своим каналам. Получил ответы. Два из трёх подтвердили: Сайт при дворе, активен, присутствует на всех заседаниях совета. Третье письмо пришло с задержкой и содержало одну фразу, которую Кэйн прочитал вслух только мне: *Он спрашивал о вас. Осторожно. Но спрашивал.*

Значит, знает. Или догадывается.

Значит, едем вовремя.

Спор случился за три дня до отъезда.

Я его ожидала — не потому что знала заранее. Просто за три месяца научилась читать, когда Кэйн что-то обдумывает и пока не гово-

рит. Это выглядело как обычная сдержанность, но чуть плотнее. Чуть более закрытая линия плеч за ужином. Чуть меньше слов в обычных разговорах.

Он пришёл в архив вечером — я ещё сидела над бумагами, хотя уже разобрала всё нужное. Просто не хотела уходить первой.

Аня. — Да. — Мне нужно сказать кое-что. Про поездку. — Говорите. Он подошёл к столу. Не сел — встал рядом, как встаёт, когда тема серьёзная и хочет видеть лицо. — Я хочу, чтобы вы ехали без официального статуса. Я отложила бумаги. — В смысле? — Не как Страж Границы. — Он говорил ровно, без извинений — просто излагал. — Как моя обручённая. Личный визит на суд. Без официального представления при дворе. — Зачем? — Потому что Страж Границы — это должность с полномочиями. — Он говорил терпеливо. — Официальный Страж Границы имеет право запрашивать документы, проводить расследования, требовать аудиенции. Это заметно. Это привлекает внимание. — Именно поэтому, — сказала я. Кэйн опустил взгляд на стол — на бумаги между нами. Поднял снова. — Объясните, — сказал он. — Мы едем в столицу за доказательствами против человека, который двадцать лет умело оставался в тени. — Я смотрела на него. — Если мы приедем тихо, без официального статуса — мы гости. Нас терпят. Нас не воспринимают всерьёз. Всё, что мы делаем, можно проигнориро-

вать.

— Или не заметить, — возразил он.

— Сайт уже заметил. — Я взяла письмо с его канала — то, с одной фразой. Положила перед Кэйном. — Он спрашивал о нас. Тихо ехать поздно. Значит, нужно ехать громко. — Я говорила прямо. — Официальный Страж Границы замка Вэрнер, приехавший на суд по делу ордена, имеет законное право запрашивать материалы, присутствовать на слушаниях, встречаться с заключёнными. Всё в рамках закона. Всё объяснимо. Попробуй помешать Стражу Границы делать её работу при императорском дворе — это скандал. Это привлекает внимание к тому, кто мешает.

Кэйн молчал. За окном архива темнело — март темнеет быстро, но уже не так, как зимой. Чуть светлее. Едва заметно, но есть.

— И ещё, — добавила я. — Сайт умный. Если я приеду без статуса — он поймёт, что мы осторожничаем. Что знаем про него и боимся. — Я скрестила руки. — Лучше пусть думает, что мы самоуверенны. Самоуверенных людей недооценивают.

— Вы правы, — сказал Кэйн.

— Я думала об этом.

— Это не делает это менее опасным.

— Нет, — согласилась я. — Не делает.

Он принял — я видела это по тому, как разомкнулись его руки, сложенные на столе. Не радостно. Но принял.

— Официальный статус, — произнёс он. — Но одно условие.

— Слушаю.

— При дворе вы не работаете в одиночку. Никогда. Кир рядом или я рядом — всегда.

— Кир не всегда может быть

рядом, — сказала я. — Если он играет роль человека Сайта, мы не должны слишком явно пересекаться.

Тогда я.

— Хорошо.

— Это не обсуждается.

— Я сказала — хорошо.

Он смотрел на меня ещё секунду. Кивнул.

— Выезжаем через три дня.

Три дня прошли в сборах.

Дэйн формировал охрану — отбирал лично, каждого, без доверия к чужой рекомендации. Забраковал троих из первого списка, двоих из второго. Отобрал шестерых: Мирон, Ант, братья Лен и Лепп, Сарт, Вейн. Ходил по замку с видом человека, которому всё мало, — и это, по опыту, означало: готов.

Рой попросился ехать. Кэйн отказал: нужен надёжный человек в замке. Рой кивнул и ушёл к лошадям.

Эвра собиралась дольше всех.

Я зашла к ней накануне отъезда. Она стояла у открытого сундука — не собирала, смотрела. Рядом на кровати лежала пара платьев, выбранных заранее и снова убранных, вытащенных снова.

— Эвра.

Она обернулась. Улыбнулась — медленно, как человек, которого застали за чем-то, что не хотелось показывать.

— Простите. Задумалась.

— Там ваша семья.

— Да. — Она снова посмотрела в сундук. — Три года я не писала им. Они думают... не знаю, что думают. Наверное, плохое. — Взяла платье, осмотрела, положила обратно. — Я уехала внезапно. Сказала — дела. Не вернулась. Это не... это трудно объяснить письмом. Навер-

ное, и лично трудно.

— Они в столице?

—
Мать и брат. Брат злится, скорее всего. Он всегда злится,
когда боится. — Она наконец начала складывать — быстро,
как решившийся человек. — А мать просто беспокоится.
Это хуже.

— Вы встретитесь с ними?

Она
помолчала. Согнула одно платье, разогнула.

— Не
знаю. Наверное, нужно. — Пауза — настоящая, не ритми-
ческая, она не могла найти слово. — Страшно.

—
Я знаю, — сказала я.

Она посмотрела на меня —
быстро.

— Вы тоже кого-то оставили.

—
Да.

— И?

Я думала секунду.

— И
с этим живут. — Я не добавила ничего. Некоторые вещи
не требуют подробностей.

Эвра кивнула. Продол-
жила складывать — теперь без остановок.

— По-
еду, — сказала она. — И встречусь. Наверное, во время
поездки. Если получится решиться.

— Хорошо, —
сказала я.

Марта поймала меня утром
в день отъезда.

Стояла у входа в кухню. Держала
корзину — корзину, не блюдо, не поднос. Это была кор-
зина человека, который уже решил.

— На доро-
гу, — произнесла она и протянула.

— Марта, нас
двенадцать человек с охраной, нас накормят на постоянных
дворах...

— На постоянных дворах кормят чем при-
дётся. — Она поставила корзину мне в руки, не дожидаясь
продолжения. — Это не еда. Это чтобы не умереть.
Вот это — еда.

Корзина оказалась тяжёлой. Я взя-

ла.

— Спасибо.

— Держитесь Кэйна, — сказала Марта. — В столице люди теряются. Думают, что знают, куда идут, — а потом оглядываются и не понимают, где свои.

— Я не потеряюсь.

— Знаю. — Она смотрела на меня. Коротко, своим способом. — Держитесь Кэйна. Там он знает, как ходить.

— Он говорил то же самое.

— Значит, оба правы. — Она убрала полотенце с корзины поправить — просто так, чтобы занять руки — и вернула. — Езжайте.

Я пошла во двор.

Лис ждала у выхода.

Она собрала мне дорожный мешок ещё вчера вечером. Стояла теперь и держала его обеими руками — не протягивала, просто держала, как будто не до конца решила.

— Лис.

— Госпожа Анна. — Протянула мешок. — Тут всё, что нужно. Я проверила дважды.

— Ты всегда проверяешь дважды.

Она кивнула. Смотрела в сторону двора, где Дэйн командовал погрузкой. Что-то в её лице удерживалось — я видела этот удар. Потом она перестала удерживать — шагнула вперёд, обняла. Неловко, крепко, три секунды.

Отступила. Поправила чепец.

— Простите.

— Не за что, — сказала я.

— Езжайте, — произнесла она. — А то Дэйн там со всеми передерётся.

Я засмеялась. Взяла мешок.

Выехали в середине утра.

Двенадцать человек — я, Кэйн, Кир, Эвра, шестеро охраны и двое слуг с поклажей. Не маленький отряд, но и не демон-

страция: меньше — заметно, что прячемся, больше — привлекаем внимание раньше времени.

Я выехала за ворота и оглянулась.

Замок стоял как всегда — серый камень, башни, стяг на ветру. Рой у ворот, рядом Лина, оба смотрели вслед. Лис успела вернуться в замок — только её фигура мелькнула в арке и пропала.

Я отвернулась.

Смотреть назад — привычка, которая мешает. Тело едет вперёд, а голова оглядывается — и не понимает, где находится. Лучше сразу смотреть в ту сторону, куда едешь.

Что-то в этом моменте — замок за спиной, открытая дорога впереди — зацепило. Я это чувствовала раньше. Не здесь — в другом мире, в другой жизни. Последнее утро перед отъездом в долгую командировку, рассвет над Москвой, мокрый асфальт под окном. Я выходила с чемоданом, оглянулась на окна своей квартиры — тёмные, уже не мои на несколько недель — и подумала: странно, как быстро место становится своим и как быстро нужно его оставлять. Здесь было то же самое. Только замок стал своим быстрее, чем московская квартира, — и оставлять было сложнее.

Я смотрела вперёд.

Дорога в столицу шла через лес.

Старый, густой — фир и сосна, лиственные деревья редко, только по краям, где было больше света. Снег между деревьями ещё не сошёл — лежал в тени клочками, серый, плотный, апрельский. Земля под коными вдоль дороги была мягкой, чуть осевшей: первый настоящий оттепельный слой, тот, что ночью ещё прихваты-

вает морозом, а к полудню снова отпускает.

Запах был сложным. Хвоя, мокрая кора, лошади — и под этим, глубже, запах самой земли, которая начинала дышать после зимы. Это был апрельский запах, который в средней полосе я помнила с детства. Здесь он был другим — без примеси городского, без бензина, без асфальта. Чище. Острее.

Кэйн ехал рядом молча. Читал пространство — я уже понимала этот его первый дорожный режим. Просчитывал.

Кир чуть позади — бормотал что-то тихо, разбирал в голове своё. Эвра — ровно, прямо, взгляд в одну точку перед собой. Охрана держала позиции: Дэйн в голове колонны, двое по флангам. Мирон — замыкающий, методичный, как человек, который проделывал это тысячу раз.

Лошади шли хорошо. Мир, вороной конь Кэйна, задавал темп — спокойный, уверенный. Остальные за ним. Только в двух местах, где лес подходил совсем близко и дорога сужалась, один из охранных коней нервно прядал ушами. Инстинкт — узкое место всегда хуже открытого.

Это я отметила. Мельком. И отпустила.

К вечеру добрались до первого постоянного двора.

Стоял на развилке — каменный низ, деревянный верх, кровля потемнела от влаги. Вывеска над входом: медведь с кружкой, краска облезла, морда стала похожа на что-то среднее между волком и собакой. Двор с коновязями, конюшня сзади, из трубы шёл дым — значит, топили и варили.

Хозяин оказался невысоким,

с усами и привычкой смотреть на лошадей раньше, чем на людей. Оценил отряд, оценил коней. Решил, что платёжеспособные, — лицо потеплело.

— Комнаты есть, — сказал он. — Три. Ужин через час.

Кэйн снял три комнаты. Сам остался во дворе — поговорить с хозяином. Привычка: узнавать, кто проезжал до нас.

Комната для нас с Эврой была небольшой: две узкие кровати у противоположных стен, маленькое окно на дорогу, глиняная печь в углу. Печь едва тёплая — затопили, видимо, недавно. На подоконнике — сухой стебель чего-то, которое летом было цветком. Потолок низкий; лампа, подвешенная на крюк, давала жёлтый колеблющийся свет и длинные тени.

Эвра устроила вещи и уснула быстро — дорога утомляет больше, чем кажется, пока едешь.

Ужин внизу оказался простым и горячим: корнеплоды с мясом в глиняных горшках, хлеб вчерашней выпечки, но плотный, с хрустящей коркой. Сыр, который хозяйка поставила без слов — как само собой разумеющееся. Кувшин с кислым яблочным питьём. Не московская столовая и не ресторан — что-то посередине. Сытное, без претензий. Марта была бы недовольна, но Марта здесь не была.

Я поела. Поднялась обратно.

Я устроилась у окна.

Смотрела на огонь в маленьком очаге — он разгорелся как следует, в комнате стало теплее. За стеклом — тёмная дорога, фонарь у ворот трактира, силуэты деревьев. Тихо. Внизу в общей зале ещё шумели голоса, кто-

то играл на чём-то струнном, не слишком умело, но живо.

Думала о столице. О человеке в элегантном платье, который двадцать лет улыбался всем нужным людям.

Дверь открылась — тихо. Кэйн. Закрыв за собой.

— Всё спокойно, — сказал он вполголоса, чтобы не разбудить Эвру.

— Садитесь.

Он сел рядом — у окна, как я. Это стало привычкой ещё в библиотеке: рядом, не напротив.

— Как вы? — спросил он.

— Нормально. — Я помолчала. — Странно быть снаружи.

— Снаружи замка?

— Снаружи вообще. — Я смотрела на огонь. — Три месяца я знала каждый камень. Здесь — не знаю ничего. Это первый раз с тех пор, как приехала в замок, когда я снова не понимаю пространства вокруг себя.

— Привыкнете.

— Знаю. — Я повернулась к нему. — Вы боитесь чего-нибудь? В этой поездке.

Он думал секунду — не колебался, именно думал.

— Потерять вас в большом мире, — произнёс он. — Там другие масштабы. В замке я знал, где вы. В столице — нет.

— Я нигде не денусь.

— Знаю. Всё равно боюсь.

— Это взаимно, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Вы боитесь потерять меня?

— Я боюсь стать не собой. — Я говорила тихо, чтобы не разбудить Эвру. — Там — аристократия, политика, правила, которых я не знаю. Я хорошо умею быть собой. Это моё лучшее качество. Боюсь, что там это не получится.

Кэйн молчал

секунду.

— Получится, — произнёс он.

Откуда вы знаете?

— Потому что вы были собой с первого дня в замке. Перед двором, перед Варром, перед Дарром. — Последнее предложение он произнёс медленнее — как говорят то, во что верят, а не то, что говорят для утешения. — Вы ударили советника кочергой и не извинились. Столица не страшнее кочерги.

Я засмеялась — тихо.

— Это странное утешение.

— Я не умею утешать красиво.

— Знаю. Поэтому верю.

Мы сидели ещё немного. Огонь догорал. Внизу музыка стихла — играть прекратили или ушли. Только голоса, потом и они стихли.

— Спите, — сказал он наконец.

— Вы тоже.

— Чуть позже.

Он ушёл — в коридор, проверить охрану. Я легла. Закрыла глаза.

Сон пришёл быстрее, чем ожидала.

Нападение случилось на второй день. В полдень.

Дорога здесь сужалась — лес подходил близко с обеих сторон, деревья образовывали что-то вроде коридора. Неудобное место: объехать некуда, скорость снижается, видимость никакая. Это был тот самый участок, где накануне конь в охране нервничал — правильный инстинкт оказался.

Первая стрела прошла над головой передового охранника. Он упал с лошади — не от стрелы, от рефлекса. Умный.

— Стоять! — Дэйн уже разворачивался.

Из леса слева вышли трое. Справа — ещё двое. Пятеро видимых — двигались синхронно, без

команды. Тёмное, без знаков. Лица закрыты. Правильные дистанции, правильные позиции.

Лошади нервничали.

Я включила теневое зрение — сразу. Пятеро впереди светились слабо, нейтрально. Не магии. Но — лес по обе стороны не был пустым. В глубине между деревьями, там, куда обычное зрение не доставало, двигались тени — много. Я считала: ещё не менее десяти, неподвижных сейчас, но живых. И выше — в кронах двух елей справа — что-то угловатое, горизонтальное. Арбалеты. Лучники наверху, спрятанные в ветвях.

Пятеро на дороге были лицом. Остальные — аргументом.

— Это не разбойники, — сказала я Кэйну.

Он уже знал — рука была не за оружием, за тенью.

— Кир — Эвру, — произнёс он коротко.

Кир уже двигался.

Один из пятерых шагнул вперёд. Поднял руку — пустую. Голос из-под маски:

— Леди Анна. Лорд Вэрнер. Нам нужно поговорить.

— Говорить с закрытым лицом на перекрытой дороге — странный способ начать разговор, — сказала я.

— Тем не менее.

Дэйн держал руку на рукояти. Охрана рассредоточилась — правильно, быстро. Шесть человек против пятерых на дороге, плюс Кэйн. На дороге — не наш проигрыш. В лесу — другой счёт.

Я держала теневое зрение включённым. Десять в лесу не двигались — ждали знака. Те, что с арбалетами наверху, тоже. Первая стрела прошла намеренно мимо. Это было предупреждение, не нача-

ло боя.

— Кто вас послал? — спросила я.

— Человек, которому не нравится ваша поездка.

— Таких людей много. Уточните.

Говорящий не ответил. Короткий жест в сторону — и пятеро начали отступать обратно в лес. Синхронно. Молча. Тени в деревьях тоже сдвинулись — назад, глубже, пока не растворились за стволами.

— Поворачивайте, — сказал говорящий уже из-за деревьев. — Пока добром просят.

Тишина. Лес. Дорога.

Их не стало — ни на дороге, ни в лесу. Теневое зрение подтвердило: ушли. Быстро и профессионально.

Дэйн выдохнул.

— Профессиональные, — произнёс он.

— Да.

— Не разбойники.

— Нет. — Я выключила зрение. — Нас было двенадцать. Видимых их — пятеро. Реальных — вдвое больше, плюс арбалеты в кронах. Они знали, что один на один не убедят. Пришли числом.

— Значит, знали состав отряда, — сказал Кир. Он уже был рядом, Эвра за ним — бледная, но ровная.

— И маршрут, — добавил Кэйн.

Он молчал — с тем выражением, когда думает и не торопится говорить.

— Едем дальше, — произнёс он.

— Другой дорогой, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Другой дорогой, — согласился он.

Мы тронулись. Я оглянулась на лес — пустой, тихий. Птицы, замолчавшие при нападении, начинали возвращаться — сначала одна, потом ещё.

Нас ждали. Знали маршрут. Сайт узнал до то-

го, как мы выехали.

Это значит одно: в нашем окружении есть его человек. И мы не знаем — кто.

Глава 4. Утечка

Новую дорогу нашёл Кир.
Он знал её — объездная, на треть длиннее, через маленькие деревни вместо трактовых постоянных дворов. Торговцы и паломники её не любили: грязь весной, узкие мосты, ночевать приходится в домах. Зато людей мало. И перехватить отряд значительно сложнее — слишком много вариантов, где повернуть.
— Я ездил этой дорогой два года назад, — сказал Кир. — Выходит к столице с севера, через торговый квартал. Менее заметный въезд.
— Сколько добавляет по времени? — спросил Кэйн.
— Два дня.
— Берём.
Мы свернули. Лес расступился, потом снова сошёлся — уже другой, реже. Дорога стала уже. Лошади пошли медленнее.
Я ехала и думала.
Пятеро на перекрытой дороге, плюс ещё люди в лесу. Профессиональные. Знали маршрут — значит, знали, когда мы выехали и куда направляемся. Первая стрела прошла мимо намеренно. Это было не убийство. Это было: мы знаем, где вы, поворачивайте.
Сайт не хотел нашей смерти. Пока. Он хотел, чтобы мы испугались и вернулись.
Это говорило о нём кое-что важное: он ещё не решил, как с нами быть. Или решил, но не здесь — не на дороге, не руками безымянных людей в масках. Он аккуратный человек. Двадцать лет аккуратности — это не тактика, это харак-

тер.

 Но это также говорило о том, что у него есть человек рядом с нами. Кто-то, кто знал маршрут. Кто успел передать информацию до того, как мы выехали — или сразу после.

 Это был неприятный список.

 Остановились через три часа.

 Небольшая деревня — меньше полутора десятков домов, растянувшихся вдоль дороги неровной линией. Дома разные: один крепкий, с каменным основанием и свежей кровлей, остальные постарше, с потемневшим деревом. Колодец на площади — маленькой, почти символической, скорее просто место, где сходились три тропы. Над одной трубой шёл дым, над другой — нет.

 Местные увидели нас издалека.

 К воротам крайнего двора вышел пожилой мужчина — коренастый, с руками человека, который работает руками с детства. Смотрел без страха, но без тепла: оценивал. Двенадцать человек с оружием — не разбойники, но и не торговцы. Что-то среднее, требующее осторожности.

 — Переночевать? — спросил он.

 — Две комнаты, сено для лошадей, ужин, — сказал Кэйн. — Заплатим справедливо.

 — За двойную цену. — Хозяин не двинулся с места. — Справедливо — это двойная цена за ночь с такой компанией.

 — Договорились.

 Хозяин открыл ворота. С крыльца за нами наблюдала женщина с ребёнком на руках — не с любопытством, с осторожностью. В окне соседнего дома мелькнуло лицо и пропало. Трое детей чуть постарше остановились посреди площади и смотре-

ли на лошадей — Мира особенно, вороной конь любого ребёнка остановит. Никто к нам не подошёл.

Деревня нас терпела, но не принимала. Это было нормально.

Охрана устроилась в сарае — Дэйн расставил людей, убедился, что вооружены, проверил, что к сараю есть хороший обзор двора. Лошадей расседлали. Эвра ушла внутрь — молчаливая, с плотно сжатым ртом. Нападение осталось в её лице, хотя она не говорила об этом.

Я осталась у колодца.

Кир подошёл через пять минут — я слышала шаги, не обернулась.

— Думаете об утечке,

— сказал он.

— Да.

— Я тоже.

Он встал рядом. Площадь пустела — местные разошлись по домам, будто дав нам понять: вы здесь, мы здесь, это два разных «здесь». Только собака неторопливо пересекала пространство между колодцем и противоположной улицей, занятая своими делами.

— Список короткий,

— сказал Кир.

— Кто знал маршрут?

— Все, кто ехал.

— Я думала вслух.

— Плюс те, кому мы говорили в замке. Дэйн планировал охрану. Рой организовывал лошадей, слышал, когда выезжаем. Лис собирала вещи, знала дату. Марта — та знает всё, мы уже установили.

— Марта — исключено,

— сказал Кир.

— Дэйн тоже.

— Рой?

— Я подумала.

— Рой три месяца назад был человеком Варра под принуждением. Сестра в заложниках. Сейчас сестра свободна, Варр под стражей. Мотив убран.

— Я смотрела на воду в колодце.

— Но новый мотив мог появиться. Не исключаем.

— Или Сайт нашёл человека из охраны, — сказал Кир. —
Дэйн набирал их, но за месяц до выезда — времени у Сайта хватало.

 — Дэйн проверял каждого.

 — Проверял хорошо. Сайт работает тоньше.

 Это было правдой. Я кивнула.

 — Ещё вариант. — Кир говорил методично. — Утечка не в замке. В столице. Когда мы запрашивали комнаты при дворе и регистрировали официальный визит — это стандартная процедура, три недели до выезда. Если у Сайта человек в канцелярии двора, он знал наш маршрут ещё до того, как мы его утвердили сами.

 Я посмотрела на него.

 — Это хуже.

 — Да. Потому что в этом случае — мы не можем закрыть утечку. Пока мы в дороге, у него есть информация.

 — Значит, меняем не только дорогу, — произнесла я.

 — Что именно?

 — Легенду. — Я думала. — Официальный визит на суд. Дата прибытия. Место размещения. Всё, что зарегистрировали заранее — он знает. Нам нужно приехать не тогда и не туда, где нас ждут.

 Кир помолчал.

 — Это сложно. У Кэйна официальный статус. Его прибытие при дворе регистрируется автоматически — стражник у ворот, запись в журнале.

 — Если войдём через торговый квартал — там другие журналы. Другие стражники.

 — И другой советник дежурит, — произнёс Кир. Понял, куда я веду. — Въехать через торговый квартал и не регистрироваться официально

— сутки, может двое. Потом всё равно нужно объявиться. Но двое суток — это окно.

 — У вас есть в столице кто-то надёжный?

 — Один, — сказал Кир. — Из старых Стражей. Давно там живёт, знает дворцовый квартал лучше официальных агентов.

 — Напишите ему сегодня ночью.

 — У деревенского старосты должна быть голубятня. Деревни на этом тракте пользуются ею для связи с городом. — Он поднял взгляд от колодца. — Скажете Кэйну?

 — Сейчас.

 Кэйна я нашла не в доме.

 Он был у коновязи — расседывал Мира сам, хотя слуги предлагали свою помощь. Конь стоял спокойно, только потянул голову навстречу: узнавал.

 Я подошла. Рассказала — пока Кэйн работал руками, перекладывал седло, проверял подпруги. Он слушал без комментариев, не прерывал. Это его способ слушать важное: закончить дело, потом говорить.

 — Въезд через торговый квартал, — произнёс он, когда я замолчала. Не вопрос.

 — Да. Кир знает дорогу.

 — Двое суток без регистрации. — Он отошёл от коня, вытер руки. — Это нарушение протокола.

 — Это работает в нашу пользу. Официальный статус появится, когда мы будем готовы его объявить.

 Кэйн смотрел в сторону — туда, где сарай с охраной, где горел один фонарь и слышались негромкие голоса.

 — Ваша идея?

 — Наша. Кир предложил въезд, я предложила окно.

 — Хорошо. Но одно условие. — Он повернулся ко мне. — По-

ка в столице без официального статуса — никаких встреч с людьми Сайта. Никакого контакта с двором. Двое суток — только разведка.

 — Разведка и есть работа.

 — Вы понимаете, что я имею в виду.

 — Понимаю. Договорились.

 Мир тихо переступил за нашими спинами — устраивался. Над сараем светлел один фонарь, остальной двор был тёмным.

 — Кэйн, — произнесла я.

 — Да.

 — Те люди на дороге не хотели убивать. Это было предупреждение.

 — Знаю.

 — Значит, у Сайта есть другой план. Он думает, что может нас остановить иначе. — Я смотрела не на него — на фонарь над сараем. — Скорее всего, в столице предложит сделку. Информацию о том, почему я здесь — в обмен на что-нибудь.

 — На дар.

 — Да. Ему нужна теневая магия — канал. Орден уничтожен, Дарр под стражей, других источников нет. — Я говорила ровно. — Предупреждаю заранее. Потому что это будет давление именно на то, что важно для меня.

 — Я понимаю.

 — И то, что важно для меня — не настолько важно, чтобы платить его ценой. Это тоже заранее.

 Кэйн молчал секунду. Конь за нашими спинами выдохнул — тихо, с усилием.

 — Почему вы мне это говорите? — произнёс он.

 — Чтобы знали логику, когда увидите.

 — Знаю логику, — сказал он. Голос у него стал ровнее — не холоднее, именно ровнее, как говорит человек, принявший решение. — И верю вам.

 —

Почему так быстро?

 — Потому что предупреди-
ли. — Он посмотрел на меня. — Люди, которые собираются
сделать что-то не то, не предупреждают заранее.

Я думала об этом секунду.

 — Это логично.

 — Иногда бываю.

 В последней фразе было
что-то тихое и сухое — не насмешка, его версия юмора. Ред-
кая.

 Я засмеялась едва слышно. Он не засмеялся
— но губы чуть сдвинулись.

 — Пойду к Дэйну,
— сказал он. — Про утечку в отряде. Он должен знать.

 — Хорошо.

 Он ушёл в сторону сарая. Я оста-
лась у коновязи — с конём и темнотой и фонарём, который
дрожал в тихом ветру.

 Утром Дэйн
собрал охрану.

 Не для объявлений — для пере-
стройки. Двое теперь ехали далеко впереди: разведка. Двое
замыкали. Двое по флангам, ближе, чем вчера.

 —
Вчера был беспорядок, — произнёс он. — Сегодня будет по-
рядок.

 Никто не возражал.

 Потом — уже
тихо, пока люди седлали лошадей, — Дэйн подошёл к Миро-
ну. Сказал несколько слов. Мирон кивнул без вопросов: че-
ловек военный, понимает, когда слова не нужны.

Я заметила, что в течение следующего часа Мирон и Ант
оказывались в разных частях отряда, но таким образом, что
один из них видел каждого из шестерых охранников всё вре-
мя. Нарочито небрежно, без паттерна — но всё время.

 Дэйн не сказал мне ничего об этом. Я не спрашива-
ла.

 Я смотрела на лица своих охранников, пока они

седлали.

 Мирон работал методично: каждое движение на месте, без лишних. Движения человека, который сотни раз делал одно и то же и перестал их замечать. Ант — быстрее, немного суетился — не от страха, от возраста. Молодые так работают, когда хотят казаться опытнее. Братья Лен и Лепп — одинаковые, пока не начинали двигаться: один левша, другой нет. Левша проверял подпругу трижды. Правша — дважды. Разница заметная, если знаешь, куда смотреть.

 Сарт — высокий, молчаливый — расседлал и оседлал своего коня быстрее всех. Потом стоял и ждал. Просто стоял. Ни с кем не разговаривал, ни на кого не смотрел лишний раз.

 Вейн — средний рост, незаметная внешность — работал ровно. Без суеты, без нарочитого спокойствия. Просто делал своё дело. Ровно.

 Три года работы с мёртвыми учат одному: не бывает «просто ровно» после того, как рядом стреляли стрелы.

Кто-то нервничает, кто-то злится, кто-то гасит. Но никто не бывает просто ровным — если только не знал заранее, что будет нестрашно.

 Я не говорила об этом вслух.

 На привале я нашла Кира.

 Он сидел у обочины с куском хлеба и картой — бумажной, с пометками от руки.

 — Письмо ушло?

 — Ушло. Голубь был у старосты. Ответ придёт к следующей деревне — там тоже голубятня. — Он сложил карту. — Нужна помощь с другим?

 — Да. — Я присела рядом. — Люди охраны. Вы наблюдатель. Есть кто-то, кто вёл

себя не так?

 Кир думал — по-настоящему думал, не просто вспоминал.

 — Несколько моментов, — произнёс он наконец. — Не один человек. Несколько.

 — Рассказывайте.

 — Вейн. — Он говорил методично. — Вчера после нападения не реагировал ничем. Ни облегчения, ни напряжения. Когда мы меняли дорогу — первым пересел на позицию, с которой видно меня и Кэйна одновременно. Это может быть хорошая охранная выучка. Но может быть — другое.

 — Продолжайте.

 — Ант. — Кир чуть прищурился, вспоминая. — На нападении, когда отходили. Он посмотрел назад, в лес, дважды. Не туда, где были нападавшие. В другую сторону. По обочине — туда, откуда мы ехали. — Пауза. — Может, нервничал. Может, проверял.

 — Ещё?

 — Сарт. — Кир помолчал. — Ничего конкретного. Просто — слишком спокойный. После нападения — как будто ничего не случилось. — Он поднял взгляд. — Я записал по памяти три имени. Это не вывод — это наблюдения.

 — Хорошо. — Я встала. — Наблюдайте дальше за всеми тремя. Ничего не предпринимайте — только смотрите.

 — Всегда только смотрю, — сказал Кир.

 — Знаю. Поэтому и прошу.

 К вечеру второго дня дорога вышла из леса.

 Открылось пространство — холмы, пологие, уже без снега. Поля с прошлогодней стернёй, ещё не паханные. И на горизонте, в вечернем свете: силуэт города. Плотный, высокий — башни, шпили, дым от множе-

ства труб, огни, которые начинали зажигаться в ранних сумерках.

 Столица.

 Я смотрела.

 В моей прошлой жизни я въезжала в Москву много раз — с разных сторон, в любое время. Привыкла. Большой город — это просто большой город: шум, запахи, темп, который подхватывает.

 Здесь что-то другое. Может, потому что впервые. Может, потому что кто-то там знал, что мы едем — но не знал, что уже здесь.

 — Первый раз? — спросил Кэйн.

 — Да.

 — Как?

 — Большое, — сказала я.

 — Там другие масштабы. — Он смотрел вперёд — не на город, на дорогу к нему. — Я предупреждал.

 — Предупреждали.

 — Готовы?

 Я смотрела на огни внизу.

 Советник Сайт — где-то там, за одним из этих окон. Двадцать лет чистых рук, двадцать лет правильных слов. Думает, что знает, когда мы приедем.

 Не знает.

 — Готова, — сказала я.

 Мы двинулись вниз.

 Кир ехал чуть позади. Дэйн — в голове. Я не оборачивалась, но чувствовала: кто-то в колонне, пока мы спускались к городу по сужающейся дороге, смотрел на ориентиры. Не на пейзаж — на конкретные точки. Развилка с кривой елью. Постоялый двор с выбитой вывеской. Три камня у моста, сложенные как столбик.

 Детали, которые видят, когда заранее знают, куда смотреть.

 Я ещё не знала, кто именно. Но кто-то смотрел именно так — и это было уже не предположение.

Глава 5. Торговый квартал

Столица давала о себе знать за час до ворот.

 Сначала — люди. Дорога начала плотнеть: телеги, пешие, верховые. Чем ближе к городу, тем меньше промежутков между ними, тем громче. Потом — запах. Не тот абстрактный «запах города», который везде одинаковый. Конкретный. Дым с кожевенного производства — кислый, въедливый, с западной стороны. Запах реки с восточной — рыба, ил, что-то речное и холодное. Посередине — жильё: горящие очаги, варёное зерно, прогретый камень. И под всем этим, базовым — что-то специфически столичное, что я не умела бы назвать точным словом. Москва пахла похоже. Только там добавлялись выхлоп и асфальт — здесь вместо них был старый камень и дерево, тысячелетия торговли, осевшие в самой земле.

 Над крышами предместий, ещё за воротами, я увидела купол.

 Большой, медный, позеленевший от времени — он торчал над линией горизонта, как ориентир, как точка притяжения. Имперский дворец. Цель была видна ещё до того, как мы въехали.

 — Тихо, — сказал Кэйн.

 Не замечание. Команда. Отряд перестроился: оружие убрать, плащи поверх знаков отличия, ехать как торговцы. Дэйн выполнил без слов — он получил инструкцию накануне и работал по ней без лишнего.

 Торговые ворота оказались именно такими, ка-

кими их описывал Кир: широкие, шумные, без парадности. Стражники проверяли всех вяло — товары, лошадей, лица. На нас посмотрели, пересчитали, спросили, откуда и зачем. Кир ответил — спокойно, с правильным акцентом провинциального торговца: везём сукно с севера, ищем оптовика в квартале суконщиков.

Нас пропустили.

Я выдохнула. Первое.

--- Торговый квартал жил своей жизнью. Центральный бульвар шёл от ворот прямо, потом разветвлялся. По обе стороны — гильдейские дома: красный кирпич, узкие высокие окна, над каждым входом герб — чья-то гильдия, чья-то монополия на этом квартале улицы. Кожевники, суконщики, бронзовых дел мастера. У каждого дома свои вывески, свои зазывалы, своя территория мостовой перед входом.

Шум был многослойным. Снизу — стук колёс по брусчатке. Над ним — голоса, смешанные так, что отдельные слова не различить, только тон. Где-то в переулке левее непрерывно работал молот — по металлу, ритмично, как метроном. За углом справа — мельничное колесо на узком канале, его плеск слышался даже через общий гул.

Запах тут был уже другим, чем у ворот. Ближе, конкретнее. Горячий воск с мастерской свечников. Кислое от бочки с квашеной капустой у какого-то лотка. Дым жаровни с каштанами — первой в этом году, судя по тому, как вокруг неё собрались.

Кир вёл нас уверенно — через три переулочка и два поворота, мимо лавки с медными изделиями, мимо двора с поленницей до самой

крыши, мимо кошки, сидящей в окне второго этажа с видом владелицы всего квартала. Постоялый двор с якорем оказался в торце тупика — неприметный вход, вывеска криво — то прибита, якорь на ней облупился с одной стороны.

Внутри всё выглядело правильнее, чем снаружи.

Хозяин — широкий, с бритой головой и длинным белым шрамом от левой скулы до нижней челюсти — поднял на нас взгляд и опустил обратно. Не с равнодушием. Просто с профессиональным отсутствием любопытства: за годы работы такой человек видел всякое и давно перестал спрашивать. Это была нужная черта.

Пол в общем зале — каменный, не дощатый, с вытертой серостью булыжника. Потолок низкий, с тёмными балками. Пахло старым пивом, древесным дымом и чем-то пряным — то ли сбитнем, то ли остатками какого-то зимнего напитка, который так и не допили.

Четыре комнаты, конюшня, ужин. Кэйн заплатил вперёд. Хозяин убрал деньги в пояс и ушёл.

В комнате собрались впятером — я, Кэйн, Кир, Эвра, Дэйн.

Комната была небольшой: две кровати, стол, окно в переулочек. Из переулочка доносилось бормотание — двое о чём-то негромко спорили у стены напротив. Не слушала. Смотрела на своих.

— Двое суток, — сказал Кэйн. — Потом официальная регистрация.

— За двое суток нужно многое успеть, — сказал Кир.

— Что именно? — спросила Эвра.

Она держалась — всю дорогу держалась ровно, несмотря на напад-

дение и смену маршрута. Три года в замке под постоянным страхом закаляет по-своему.

 — Контакт Кира в городе, — сказала я. — Ответ на письмо пришёл?

 — Пришёл. — Кир достал записку. — Готов встретиться. Сегодня ночью, в квартале суконщиков.

 — Хорошо. — Я посмотрела на Дэйна. — И нам нужно разобраться с нашим неочевидным вопросом.

 Дэйн кивнул — понял без имён.

 — Как? — спросил он.

 — Дайте ему информацию. Намеренно ложную. Что-то конкретное — время, место, встреча. Посмотрите, появится ли кто-нибудь.

 — Ловушка, — произнёс Дэйн.

 — Проверка. Разные вещи. Ловушка — когда хотите поймать. Проверка — когда хотите убедиться. — Я смотрела на него. — Если никто не появится — либо чист, либо осторожен. Если появится — у нас есть ответ.

 — Если осторожен — первая проверка ничего не даст, — сказал Кир.

 — Именно. Поэтому делаем две. — Я посмотрела на Дэйна. — Сегодня вечером — первое. Что-нибудь умеренное: деловая встреча, время и место. Посмотрим. Если ничего — через сутки второе, более ценное.

 — Два раза — убедительнее, — согласился Кир.

 Дэйн кивнул:

 — Сделаю.

 Ночная встреча с контактом Кира прошла в маленькой каморке над лавкой суконщика.

 Нас было трое — я, Кир, Кэйн. Дэйн остался на постоялом дворе: наблюдать. Эвра — с охраной.

 Контакт Кира звался Феном.

Пожилой, небольшой, с цепкими глазами и вьёвшейся привычкой сидеть так, чтобы дверь была в поле зрения — я заметила это ещё прежде, чем он заговорил. Сама сижу так же, только в другом смысле: у меня это спиной к стене и выходы по краям. У него — дверь чуть левее. Разные профессии, одна суть.

— Слышал, что вы едете, — сказал он Киру вместо приветствия. — Ещё неделю назад.

— От кого?

— От людей, которые следят за дворцовой канцелярией. — Фен посмотрел на Кэйна, потом на меня. — Официальный запрос на размещение при дворе — не остаётся незамеченным. Если знать, на что смотреть.

— Сайт знал, — сказала я.

— Через два часа после того, как запрос поступил в канцелярию. — Фен сложил руки на столе. — У него там человек. Давно. Я пытался установить кто — не вышло.

— Значит, утечка была в столице, не в замке, — сказал Кэйн.

— Да. — Фен посмотрел на меня. — Про нападение на дороге знаю. Его люди вернулись позавчера ни с чем. Он не доволен, но не паникует.

— Почему?

— Думает, что вы приедете через официальные ворота по расписанию. Знает дату и место прибытия.

— А мы уже здесь.

— Фен посмотрел на меня — внимательно, без улыбки.

— Да, — произнёс он. — И у вас двое суток.

— Расскажите про Сайта, — сказал Кэйн. — Всё, что знаете.

— Фен рассказывал долго.

— Я слушала и укладывала по полкам. Связи Сайта при дво-

ре — обширные, небезграничные. Три советника ему обязаны: двое по карьерным вопросам, один по делу, замятому десять лет назад. Стражники его уважают — всегда вежлив, помнит имена, никогда не орёт. Слуги — боятся. Не явно. Просто обходят лишний раз.

Семья: вдовец, двое взрослых детей в провинции, к делам не приближены. Резиденция — в дворцовом квартале, три минуты от императорского крыла. Личная охрана — четверо, опытные.

— Магия? — спросила я.

— Об этом не говорят вслух. — Фен помолчал. — Но я однажды видел: он поднял руку — и человек, который стоял перед ним, перестал спорить. Сразу. — Пауза — настоящая, он подбирал слово. — Может, совпадение.

— Нет, — сказала я. — Он использует накопленные дары. Чужая магия в чужих руках нестабильна — иногда точнее, чем нужно, иногда мимо. Это важно знать при контакте с ним.

— Учту. — Фен кивнул.

Говорили ещё час. Я спрашивала, он отвечал. Кэйн молчал и запоминал. Кир уточнял по мелочи.

Когда вышли, торговый квартал притих. Только далеко лаяла собака. Над крышами — медный купол дворца, черноватый в ночном небе.

— Завтра, — сказал Кэйн, — официальную регистрацию не форсируем. Ждём. — Он смотрел вперёд — не на купол, на тёмные улицы перед ним. — Пусть думает, что мы приехали по расписанию. Пусть всё выглядит нормально — пока не перестанет.

— Он придёт сам, когда узнает, — сказала я.

— Знаю.

 Утром Дэйн доложил — коротко:

 — Первая проверка. Ничего.

 — Что именно говорил? — спросил Кир.

 — Сказал Вейну: завтра утром к торговцу тканями за квартал отсюда. Назвал дом, время.

 — И?

 — Никого не было. Сам проверил.

 Я посмотрела на Кэйна. Он кивнул.

 — Либо чист, либо осторожен, — сказал Кир.

 — Либо информация недостаточно ценная, — добавила я. — Профессиональный агент не будет дёргаться ради каждого слова. Сохраняет движения для важного. — Я посмотрела на Дэйна. — Второй раз. Вечером. Что-нибудь конкретнее: скажи, что мы нашли человека из сети Сайта, готового говорить. Место встречи и время.

 — Понял. — Дэйн встал. — Место назначить?

 — На ваше усмотрение. Где удобно наблюдать.

 Он ушёл — Дэйн работал быстро, без промедлений.

 Второй день в торговом квартале прошёл в работе.

 Кир ходил по своим каналам — говорил с людьми, которых я не видела, но чьи имена появлялись потом в его коротких отчётах. Фен передал список связей Сайта при дворе. Я читала, Кэйн читал. Сравнивали с тем, что знали уже.

 К вечеру у меня были три имени из внутреннего круга Сайта — советники, которым он что-то должен или которые должны ему. Это была карта для работы.

 Дэйн вечером сказал Вейну о человеке из сети ордена, готовом говорить. Место — переулок у мельничного канала, до рассве-

та.

 Ночью Дэйн не спал.

 Я тоже — сидела с бумагами и слышала, как он время от времени выходил и возвращался.

 В четыре утра он постучал в дверь комнаты Кэйна. Я слышала через стену — короткий разговор, потом тишина.

 Утром Дэйн сказал нам:

 — Был человек. Стоял у канала. Ждал. — Он говорил коротко, без лишнего. — Ушёл, когда понял, что ничего не будет.

 — Вейн, — произнёс Кэйн.

 — Или тот, кому Вейн передал. — Дэйн смотрел прямо. — Человек незнакомый. Но пришёл ровно туда.

 — Не трогайте его пока, — сказала я.

 Все посмотрели.

 — Он думает, что работает, — сказала я. — Это полезно. Управляемая утечка. Можем давать ему то, что хотим, чтобы Сайт получил.

 —

Логично, — сказал Кэйн.

 — Дэйн, — сказала я. — Вейн остаётся. Ведёте себя как обычно. Никакой реальной информации — только то, что решаем дать.

 — Понял.

 Официальная регистрация прошла в полдень.

 Дворцовые ворота — другие. Парадные, с гербами, с двумя стражниками в форме у каждой створки. Дежурный чиновник за столом в привратной будке — с журналом, с пером, с выражением человека, для которого эта процедура давно стала второй природой.

 — Лорд Кэйн Вэрнер, Король Теней. — Он записывал, не поднимая взгляда. — С официальным визитом на суд по делу ордена Хранителей Равновесия.

 Потом по-

смотрел на меня.

 — Анна Фэйр, — сказала я. —
Страж Границы замка Вэрнер. С официальными полномо-
чиями по делу ордена.

 Записал. Тщательно.

 — Вас проводят к представителю Его Императорского
Величества. Комнаты подготовлены в восточном крыле.

 Нас повели внутрь.

 Первый коридор дворца
я запомнила иначе, чем ожидала.

 Не потому что
он был особенно длинным или богатым. Потому что по всей
правой стене от входа до поворота шло одно полотно — не
несколько картин, а одна непрерывная. Сцена битвы. Поле,
тысячи фигур, слои дыма и знамён. Краска кое-где потемне-
ла от времени, в одном месте реставрировали — было вид-
но, что штрих другой, чуть светлее. Я шла и не могла отве-
сти взгляд. Успела насчитать четыре разных армии по цве-
там знамён.

 Потом коридор повернул, и полотно
кончилось.

 Пол здесь был мраморный — не тёп-
лый и не холодный, средний. Шаги звучали иначе, чем на
улице. Выше, суше. Запах — воск и старый камень. Где-то
впереди — голоса, далёкие, неразборчивые.

 Люди
встречались постоянно. Все куда-то шли, у всех было своё
дело. Придворные с бумагами, слуги с подносами, военные
парами. Никто на нас не смотрел — или смотрел так, что-
бы это не было заметно.

 Я шла и отмечала: выхо-
ды, посты охраны, как меняется поток людей у каждого пе-
рехода.

 Теневое зрение не включала. Здесь это бы-
ло бы неуместно — слишком плотно, слишком много наро-

ду. Просто смотрела.

 Представитель императора ждал в небольшом зале.

 Немолодой, с усталым лицом профессионального чиновника — из тех, кто видел много важных людей и давно перестал им удивляться. Любезности, рукопожатие, несколько фраз о важности дела. Кэйн отвечал правильными словами, я молчала: в официальных встречах он говорит, я наблюдаю.

 — Слушания по делу Дарра возобновятся через три дня, — сказал представитель. — Его Императорское Величество рад, что замок Вэрнер представлен лично.

 — Дело касается замка напрямую, — произнёс Кэйн.

 — Разумеется. Если у вас есть пожелания по встречам до слушаний — сообщите.

 — Благодарю.

 Официальная часть — двадцать минут. Потом нас оставили.

 Комната для меня выходила окном на дворцовый двор.

 Большой, открытый. Фонтан в центре — не работающий, апрель. Люди ходили по периметру, разговаривали, сидели на скамьях. Обычная дворцовая жизнь, которая казалась здесь единственно возможной.

 Где-то в этой жизни был человек, который уже знал, что мы приехали. Читал утренний журнал регистрации — или получил его от кого-то, кто читал.

 Я это почувствовала — не магией. Просто ощущение взгляда, которое приходит раньше, чем понимаешь его причину. Я повернулась.

 В дверях стоял мужчина.

 Лет шестьдесят. Высокий, прямой, в тёмном без лишних украшений. Лицо — с глубокими мор-

щинами у глаз от привычки думать, а не смеяться. Он смотрел на меня с вежливой улыбкой, но взгляд шёл по-другому — лицо, потом руки, снова лицо. Не то движение глаз, которое бывает при знакомстве. То, которое бывает, когда изучают функцию, а не личность.

Я это заметила за секунду. Держала ровно.

— Леди Анна, — произнёс он. — Прошу прощения за вторжение. Дверь была открыта. — Небольшая пауза. — Я Веран Сайт, советник Его Императорского Величества. Хотел поздравить лично.

— Лорд Сайт, — сказала я. — Рада знакомству.

Улыбка чуть расширилась.

— Я тоже, — произнёс он. — Я очень рад.

И поклонился — аккуратно, без лишнего. Развернулся. Ушёл.

Я смотрела на пустые двери.

Он знал, зачем пришёл. Я знала, зачем он пришёл. Мы оба это знали — и оба сделали вид, что это просто первое знакомство.

Значит, условия понятны.

Игра началась.

Глава 6. Двор

Эвра помогла выбрать платье.

 Она делала это спокойно, без лишних слов — открыла дорожный сундук, посмотрела, взяла нужное. Тёмно-синее, почти сапфировое, с серебряной нитью по вороту и манжетам. Крой строгий — прямая линия плеч, высокая талия, без лишнего объёма. Ткань — шерстяной батист, тонкий, но не лёгкий. Такое платье держит форму само, не требует, чтобы ты его держала.

 — Этот цвет правильный, — сказала Эвра. — При дворе ярко — значит, хочешь внимания. Блёкло — значит, не уверена в себе. Синее на тёмном — нейтрально и читается как: я здесь, но не для вас.

 — Я именно так и хочу.

 — Тогда — это.

 Я надела. В зеркале у окна отражался человек, которого я почти не знала — в правильном платье, с правильной осанкой. Не знакомый, но другой. Не Аня из архива с кружкой. Аня, которая идёт на ужин к аристократам.

 — Серебро на волосах уберите, — произнесла Эвра. — Скромнее. Вы не украшение — вы должность. Это должно читаться в первые пять секунд.

 Я убрала.

 Зал был именно таким, каким я его представляла.

 Высокие потолки — кессонные, с тёмными балками и лепниной по краям. Три ряда свечей в люстрах: нижние горели, средние — через одну, верхние не зажигали вовсе,

и потолок уходил в полутьму, откуда свет не возвращался. По стенам — портреты. Не один, как в коридоре, а множество, разных размеров, в рамах от тёмного ореха до вызолоченного. Люди на портретах смотрели на зал с одинаковым выражением — ровным, оценивающим, которое передаётся по наследству вместе с фамилией.

Стол был длинный, человек на семьдесят. Расстановка приборов — не симметричная, а по статусу, который здесь все знали и который мне никто не объяснял. Запах — горящий воск и мясной соус, что-то с пряностями, белое вино в кувшинах.

Подавали первое — бульон в неглубоких тарелках, прозрачный, с зеленью. Такой горячий, что над каждой тарелкой поднимался пар. Потом — птица с соусом из красных ягод, кисловатым, с привкусом можжевельника. Хлеб приносили отдельно, горячий, с маслом в фарфоровых блюдцах. Вино лёгкое — столичное, с кислинкой, которая означала молодость выдержки.

Я ела и наблюдала. ---

Люди вокруг. Кэйн рядом — другой, как я уже видела накануне. Не мягче, не жёстче: двор его боялся и уважал, это чувствовалось в том, как к нему подходили. Правильный угол, правильная дистанция, правильное количество слов.

Эвра чуть левее, через одного — водила по залу взглядом, который видел не общую картину, а детали. Я это замечала: она останавливалась на конкретных лицах, чуть дольше, чем вежливость требует.

С правой стороны от меня сидела женщина лет пяти-

десяти — в зелёном, с тяжёлыми браслетами на обоих запястьях. Леди Рин, как шепнула Эвра ещё при входе, — жена советника, которому Сайт помог с должностью. Леди Рин в течение первых двадцати минут ни разу не произнесла имя Сайта, хотя разговор несколько раз подходил близко. Не называла — намеренно. Это было информацией.

— Вы впервые на большом приёме? — спросила она меня между блюдами. Голос любезный, взгляд — острый, горизонтальный. Тот взгляд, который оценивает и этого не скрывает.

— Впервые здесь, — сказала я.

— Это заметно. — Она взяла бокал. — Вы смотрите на стены, а не на людей. Здесь нужно наоборот.

— Я привыкла работать с документами, — произнесла я. — Там тоже смотришь на детали.

Леди Рин чуть подняла бровь — не неодобрительно. Скорее с тем выражением, с которым отмечают неожиданный ответ.

— Страж Границы, — произнесла она. — Это необычно для женщины.

— Да, — согласилась я.

Она ждала продолжения. Продолжения не последовало.

В середине ужина с дальнего конца стола поднялся пожилой мужчина — граф что-то, Эвра называла, но имя я не запомнила. Произнёс тост. Длинный, цветистый, с тремя поворотами на «позвольте также отметить». Все выпили. Он сел. Тост был ни о чём.

Справа от Кэйна сидел человек лет тридцати пяти — светловолосый, с манерой говорить вполголоса и наклоняться к собеседнику. Я видела, как он несколько раз

в течение ужина спрашивал что-то у Кэйна — тот отвечал коротко, без поворота головы. Светловолосый кивал, записывал что-то в памяти — я видела это движение: когда человек запоминает, он ненадолго опускает взгляд в тарелку. Потом поднимает. Нейтральное лицо.

Он говорил не с Кэйном — он собирал.

Я не знала, на кого работал.

Запомнила лицо.

После подачи второго блюда Эвра наклонилась ко мне.

— Видите ту женщину в бордовом у дальнего окна? — Эвра говорила тихо — не шёпотом, не торопливо, с лёгкой горечью в конце каждой фразы, как говорят о людях, которых знают слишком давно. — Это советница Крин. У неё младший брат работал на Сайта по торговым делам — неофициально. Крин это знает. Крин делает вид, что не знает. — Короткая пауза — она нашла слово. — Это здесь очень распространённая позиция.

— И все остальные тоже знают, что она делает вид?

— Разумеется. — Эвра чуть повернулась, будто смотрела на что-то за моим плечом. — А она знает, что знают. Это называется двор.

Бордовая Крин в этот момент смеялась над чем-то, сказанным соседом. Смех был лёгкий, правильной громкости. Глаза при этом оставались внимательными.

— А вон тот, у колонны? — Эвра не кивала — только взгляд. — Советник Таррен. Самый безопасный человек в зале — он боится всех одновременно и поэтому ни с кем не связывается. От него можно услышать правду, только если поставить его

в ситуацию, когда лгать ему страшнее.

 — Как это сделать?

 — Дать понять, что вы знаете что-то, чего он не знает, и это навредит ему, если он промолчит. — Она отпила вина. — Это работает почти всегда. Труссы очень предсказуемы.

 — Вы ещё что-то знаете про него?

 — Про него — немного. У него жена из северных провинций, которую он не видел три года. Деньги он берёт у Сайта. Это значит — связан, но не счастлив.

 Голос Эвры в этих разговорах был другим, чем в замке. Там она говорила осторожно, взвешивала. Здесь — легче, но с той особенной горечью человека, который вырос в этом и не вполне простил ему этого.

 — Вы здесь росли, — сказала я.

 — Да. — Она слегка поджала губы. — Это как знать язык, который не любишь.

 Сайта я увидела примерно через полчаса после начала ужина.

 Он стоял у дальней стены — в группе, разговаривал, смеялся над чем-то. Обычный советник на обычном ужине. Ни один человек в зале не смотрел на него с подозрением.

 Двадцать лет. Двадцать лет он строил это — каждый человек в этом зале кирпич в его репутации. Никто не видел кладку.

 Он посмотрел на меня — через весь зал, поверх голов. Кивнул. Чуть улыбнулся.

 Я кивнула.

 Рука Кэйна рядом — та, что лежала на столе — сжалась на секунду.

 — Вижу его, — сказал он тихо.

 — Я тоже.

 Вечер продолжался.

 После ужина я оказалась

в галерее.

 Не специально — просто вышла раньше, пока зал ещё не начал расходиться. В галерее было тихо. Длинный коридор с высокими окнами на одну сторону — сад внизу, тёмный, апрельский, с факелами по периметру дорожки. По другую сторону — снова портреты, только другие. Этих я не видела раньше: женщины в сложных причёсках, дети при полном параде, один старик, нарисованный с пером в руке и с очень живыми глазами. Кто-то умел писать здесь людей.

 Шаги сзади. Я не обернулась.

 — Интересная галерея.

 Голос я уже знала. Не торопилась.

 — Да, — согласилась я.

 Эвра встала рядом. Молчала секунду — смотрела на старика с пером.

 — Канцлер Веррин, — произнесла она. — Умер лет сорок назад. Говорят, написал три тысячи писем за жизнь и ни одного не подписал своим именем. — Она немного помолчала. — Здесь любят таких. Тех, кого много и кого не видно.

 — Сайт такой.

 — Да. Только он ещё жив.

 Мы шли по галерее. Голоса из зала доходили сюда приглушённо — как будто зал существовал в другом слое, мягком и далёком.

 — Вам тяжело здесь? — спросила я.

 Эвра подумала — не для того, чтобы выбрать слово, а по-настоящему.

 — Раньше — нет. Это было просто жизнь. — Она смотрела на очередной портрет, не видя его. — Сейчас — немного. Потому что теперь я вижу, что это такое. — Она повернулась ко мне. — Замок лучше. Там люди настоящие.

 —

Люди здесь тоже настоящие, — произнесла я. — Просто они научились быть несколькими сразу.

 — Это вы называете настоящим?

 Я подумала.

 — Это я называю сложным, — сказала я. — Не одно и то же.

 Эвра смотрела на меня секунду. Потом чуть кивнула — медленно, как человек, принимающий то, что не вполне совпадает с его мнением, но признаёт правоту.

 Кэйн нашёл меня уже в нашей комнате.

 Я переоделась — долой правильное платье, которое держит форму само, обратно в то, что просто удобно. Сидела у стола с блокнотом: писала имена, которые запомнила за ужин. Леди Рин, её браслеты и её способ не называть имён. Светловолосый справа от Кэйна с его памятью вместо бумаги. Советница Крин с братом на услугах Сайта. Советник Таррен, который боится всех.

 Кэйн вошёл, закрыл дверь.

 — Как ваши впечатления? — спросил он.

 — Нужно будет поговорить с Таррен. — Я не отрывала пера. — Эвра говорит, что трусы предсказуемы, если правильно поставить.

 — Она права.

 — И светловолосый справа от вас — запоминайте его лицо. Он собирал информацию.

 — Я заметил, — произнёс Кэйн. — Лорд Вен. Работает на трёх хозяев одновременно, по слухам.

 — Сайт один из трёх?

 — Вероятно.

 Я дописала имя. Закрыла блокнот.

 — Кэйн, — сказала я.

 — Да.

 — Мне нужна встреча с Дарром.

 Он смотрел на меня.

 — Он в имперской тюрьме. Режим строгий.

 — Я официальное лицо. Страж Границы.

 — Это не даёт доступа к заключённым.

 — Тогда нужно, чтобы дал. — Я смотрела на него прямо. — Дарр говорил со мной в замке. Он выбрал, кому говорить. Скажет снова — если правильно попросить. — Я помолчала. — Он знает что-то про Сайта. Про то, откуда он знает о Пряхе. Это важно.

 Кэйн думал.

 — Подаю запрос через официального представителя. Как сторона по делу ордена — у замка Вэрнер есть основания. — Пауза — короткая, рабочая. — День-два.

 — Хорошо.

 — И — не одна.

 — Кэйн, в тюрьме стражники, камера с за-
совом...

 — Не одна, — повторил он. Тихо. — Кир
или я.

 — Кир. Он незаметнее.

 — Дого-
ворились.

 Кэйн взял стул, поставил у стола — не
напротив меня, рядом. Наш привычный порядок.

 — Леди Рин, — произнёс он.

 — Вы тоже замети-
ли.

 — Она несколько раз поворачивалась к вам и
отворачивалась, — сказал он. — Хотела заговорить — не ре-
шалась. Это не страх. Это интерес, за которым идёт провер-
ка.

 — Потом разговаривалась. Про документы и де-
тали.

 — Это была проверка, — сказал Кэйн. — Вы
прошли.

 — Чем?

 — Тем, что не объяс-
нялись. Она ожидала объяснения — зачем женщина Страж
Границы, почему здесь, что вам нужно. Вы ничего не объяс-
нили. — Он посмотрел на меня. — Здесь это читается как

уверенность в своём положении.

 — Я просто не хотела объяснять.

 — Это одно и то же, — произнёс он.

 Факел у окна горел ровно. В коридоре — тихо, дворец после ужина успокаивался, шаги стали реже. Откуда-то далеко — голос, потом смех, потом снова тишина.

 — Кэйн, — произнесла я.

 — Да.

 — Скажите мне про здешнего лекаря. Если у нас будет доступ к Дарру — что именно я хочу спросить, я знаю. Но Дарр физически слаб сейчас — это факт. Разговор не должен быть долгим.

 — У имперской тюрьмы есть свой врач. Через представителя можно запросить заключение о состоянии заключённого заранее.

 — Добавьте к запросу.

 — Добавлю.

 Мы сидели ещё несколько минут. Я смотрела в блокнот — закрытый, но лежащий перед собой. Кэйн смотрел в окно, где сад внизу был уже совсем тёмным.

 — Спокойной ночи, — произнёс он наконец. Встал.

 — Спокойной ночи.

 Он ушёл. Я выключила лампу.

 За окном столица жила своей ночной жизнью — далёкой, чужой, равнодушной к тому, что происходило в этой комнате. Кому-то важной, кому-то фоном. Мне пока — ни тем, ни другим.

 Мне нужен был Дарр.

 И ответ, который он один мог дать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.